

Artykuły teoretyczne i historyczne

Теоретические и исторические статьи

Арсений Д. Куманьков

Ниу «Высшая школа экономики» в Москве

Теория справедливой войны: причины актуализации концепции

Teoria wojny sprawiedliwej: przyczyny aktualizacji koncepcji

Известный 80-й фрагмент Гераклита звучит следующим образом: «должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей... и что все возникает через вражду» (DK 80). Человечество ведёт войны с незапамятных времён. Но каковы же причины такого более чем иррационального поведения человека, основной потребностью которого, казалось бы, должна быть защита собственной жизни? Ответ найти не так-то просто, вероятно, для его поисков необходимы совместные усилия философов, психологов и социологов. Нас же как философов, и в первую очередь политических философов, интересует то, что мы можем сказать о войне, ведь вопросы войны и мира составляют ядро всей политической философии.

Во второй половине XX в. политическая философия оказалась в затруднительном положении: существовавшие на тот момент философские теории войны – пацифизм, милитаризм, реализм – оказались недействующими, неспособными предоставлять решения политическим запросам современности. Долгое время реализм выступал в качестве главенствующей концепции в философии войны. Он не был сперва теоретически оформлен, но фактически возник вместе с возникновением национальных государств, т.е. в XVII в. На протяжении нескольких столетий *raison d'État*¹ затмил идею справедливости; процветание и укрепление государства ставилось выше нравственных ограничений войны.

¹ Национальный интерес.

По мнению ведущего американского теоретика политического реализма Ханса Моргентау политика исходит из того, что общество управляется по законам объективного права, которые имеют свое основание в человеческой природе. Реализм, как следует из четвертого ключевого принципа реализма Моргентау, приведённого в работе «Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир»² различает персональную этику и этику политической активности, которая оценивает действия, исходя из их политических последствий.

Реалисты обычно разделяют убеждение, что сама природа людей заставляет их действовать эгоистично, по пути максимизации выгод для себя, и в тоже время на международной арене государства действуют аналогично, поскольку не существует международного правительства, которое смогло сдерживать их, нет авторитета, стоящего выше авторитета независимого суверенного государства.

Государства, занятые в первую очередь вопросами собственной безопасности, стремятся реализовать собственные национальные интересы, активно вступают в борьбу за власть и доминирование. Таким образом, постулируется представление о межгосударственных отношениях как конфликтном поле, а главная роль отводится вопросам власти, силы и безопасности. Негативной стороной этой обеспокоенности реалистов исключительно силой и национальными интересами является скептицизм относительно возможности активного применения этики в международных отношениях. Внутригосударственная политика заключается в реализации власти и права, а международная политика – это область характеризующаяся действительным или возможным конфликтом между государствами, а потому весьма ограниченным образом связанная с понятием справедливости и нравственности.

Итак, для реалистов межгосударственные отношения не нуждаются в этике. Наиважнейшая задача политики – свобода и выживание нации. Именно поэтому интересы государства стоят на первом месте. Моргентау и его сторонники находят подтверждение своих идей в сочинениях античных и средневековых философов: Полибия, Макиавелли, Бэкона и в первую очередь в политической теории Томаса Гоббса. Понятие интереса в реализме становится ключевым для определения области политического, причем интерес определяется в терминах силы, что позволяет произвести четкое разграничение сфер политики и экономики, эстетики или религии.

Реалисты выступают против абстрактных нравственных теоретизирований, не принимающих во внимание действительно положение дел в международных отношениях, видя ключ к успешному существованию в мире

---

² H.J. Morgenthau, *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*, McGraw-Hill Humanities, New York 2005, p. 14.

большой политике в предусмотрительности, благоразумии и расчётливости. Политика, таким образом, трактуется утилитаристски, а наиболее сильным и успешным политиком признаётся тот, кто способен изыскать из множества возможных альтернатив верное решение, справедливость которого обосновывается вероятными политическими последствиями.

Не смотря на привлекательность теории реализма и возможность её непосредственного применения в практике международных отношений, с середины прошлого столетия концепция активно стала подвергаться критике со стороны более либеральных мыслителей, идеалистов и теоретиков справедливой войны. Главный аргумент реалистов в пользу слабости идеи универсальных ценностей, которые не могут существовать, поскольку такого рода всеобщие законы всегда оказываются выражением чьей-либо политики и могут быть использованы господствующими силами ради своей выгоды, не является столь уж убедительным. Тот факт, что узурпация нравственности институтом власти на самом деле имеет место, не означает, что общечеловеческие законы морали не существуют. Стремление к миру, порядку, спокойствию и справедливости присуще в равной мере большинству людей на Земле. Однако и заявление противников реализма о том, что эта теория рисует излишне мрачную картину существования, когда главной задачей человека, в конечном счете, оказывается борьба за власть, также нельзя назвать состоятельным. Слабым местом реализма можно назвать также и то, что реалисты, хотя и допускают существование нерегулярных, негосударственных сил в международных отношениях, зачастую пренебрегают их значением, объявляя их сравнительно маловажными.

Однако в середине XX века по ряду причин теория реализма перестала справляться со своей функцией и предъявляемыми к ней требованиями. Связано это было и с кризисом государства, и с кризисом международных отношений, и с непопулярными и войнами, которые нередко заканчивались поражениями ведущих мировых держав (такой стала, к примеру война во Вьетнаме), а, кроме того, с рядом изменений в философской среде. Все эти изменения создали условия для появления дискурса справедливости, который до сих пор остается ключевым в политической философии.

Шестидесятые годы прошлого столетия ознаменовались повышением уровня социальной активности. По всему западному миру прокатилась волна демонстраций, которые, пожалуй, превосходили по массовости и градусу накала народные движения современности. Эти выступления, опирающиеся на неомарксистскую доктрину, обозначили слабые стороны капитализма. Традиционные понятия науки о государстве и учения о политическом оказались недействующими, неспособными соответствующим образом поддерживать систему международных отношений и сохранить национальные суверенитеты неприкосновенными. В том числе основополагающие для политического существования вопросы войны и мира лишились своего класси-

ческого решения, однако не получили нового. Массовые движения помогли обозначить основные проблемы того времени и продемонстрировали, что существуют силы, готовые бороться с этими проблемами.

Помимо внутригосударственных кризисов, политическое поле характеризовалось и значительными изменениями международных отношений. Вторая половина XX в. была сопряжена с уходом в прошлое золотой эры классического, новременного государства, что было обусловлено появлением реальной угрозы атаки и нарушения международного порядка со стороны иррегулярных сил. Появилась сила, соперничающая с государством, и с каждым годом это становится всё более и более актуальным. Смело можно говорить о трансформации войны, приобретения ей нового смысла. Примеры военного конфликта России в Чечне, операции США в Афганистане и Ираке, недавние события в Мали отчётливо демонстрируют характер современной войны. Борьба ведётся не против государств или народов, но против негосударственных субъектов: будь то «Аль-Каида», «Ансар-ад-Дин» или «Талибан». Довольно запутанная с точки зрения международного права ситуация сложилась на Ближнем Востоке. Такие организации, как Хесбалла или Хамас, с одной стороны, признаны в Ливане или Ираке, но не имеют государственного статуса, хотя и вступают в военные конфликты с Израилем. Такие негосударственные организацию зачастую получают народную поддержку, поскольку ведут борьбу за конкретные ценности, исходя из собственной идеологии, и не вовлечены в подковёрные прагматистские коллизии большой политики.

В наши дни всё чаще сами государства обращаются за помощью к иррегулярным силам, в первую очередь таким как частные военные компании. Так, согласно отчёту, подготовленному специалистами Исследовательского центра Конгресса «Контрактники Министерства обороны в Афганистане и Ираке: общие данные и анализ»³, на всём протяжении 2000-х доля частных военных компаний среди всех войск, принимавших участие в операциях Соединённых Штатов в Ираке и Афганистане, колебалась в пределах от 10 до 20%. Получается, что почти пятую часть группировки военнослужащих составляли лица, которые не являются солдатами в классическом смысле этого слова. Мы становимся свидетелями ситуации, когда государство не только сталкивается с негосударственными субъектами, но и передаёт право на ведение войны с ними подобным силам. Частота и масштаб использования сил подобного рода – ещё один признак меняющегося мира политики нашего времени. К задачам политической философии прибавилась новая. Она состояла в разработке такой теории военной этики, которая учитывала

---

³ M. Schwartz, J. Swain, *Department of Defense Contractors in Afghanistan and Iraq: Background and Analysis*, Congressional Research Service. 2011, <http://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R40764.pdf> (12.05.2013)

бы все реалии современности и описала бы нормы, применяемые при столкновении с организациями, подобными государству, но не являющимися таковыми. Мы с уверенностью можем сказать, что помимо теоретических причин актуализации теории справедливой войны, немаловажную роль сыграли в этом процессе и политические обстоятельства.

Таким образом, политические изменения определяли и развитие теории политической философии и международных отношений. И именно в это время, на рубеже 60-70 г.г. прошлого столетия появилась необходимость выработки критической нормативной теории войны, которая анализировала бы одновременно как условия начала войны, так и принципы ведения боевых действий. В качестве альтернативы теоретикам реализма, таким как ранее упомянутый Ганс Моргентау, Рейнхольд Нибур и Кеннет Нил Уолтц, приходят теоретики справедливой войны.

В это же время в США к своему закату подходит философия логического позитивизма. Такие мыслители как Хилари Патнем, Николас Решер и Ричард Рорти возвращаются к традиционному американскому прагматизму, к его основам, заложенным доктриной Чарльза Пирса, обращая прагматизм не только на решение эпистемологических задач, но и оперируя им в рассуждениях об этике. Подобные изменения создают благоприятную среду для значительного развития этики, которая не воспринимается более в духе позитивизма как «псевдопроблема», возникшая вследствие неверного использования языка. Этика и справедливость скорее оказывается теперь одной из языковых игр, результатом конвенции.

На фоне этого значительного изменения в научной среде появляются работы Джона Ролза⁴ и Роберта Нозика⁵, посвященные теме справедливости в государстве, что также предопределило развитие современной концепции справедливой войны. Теория справедливости Ролза оказалась привлекательной и убедительной, поскольку утилитаристская идея удовлетворения потребностей подкрепляется у него этической установкой на исполнение каждым должного. Утилитаризм, таким образом, соединяется здесь с кантовской деонтологией и локковской концепцией прав человека.

В контексте такой теории справедливости и зародилась современная концепция справедливой войны, которая состоит согласно одному из центральных авторов этой теории Майклу Уолцеру в следующем: «четко установленные нормы, обычаи, профессиональные коды, правовые постановления, религиозные и философские принципы и обоюдные соглашения, которые формируют нашу оценку ведению войны»⁶.

---

⁴ J. Rawls, *A Theory of Justice*, Harvard University Press, Cambridge 1971.

⁵ R. Nozick, *Anarchy, State, and Utopia*, Basic Books, New York 1974.

⁶ M. Walzer, *Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*, Basic Books, New York 2000, p. 44.

Работа Майкла Уолцера «Справедливые и несправедливые войны», опубликованная в 1977 г., была в некотором смысле революционной, поскольку к XX в. политический вес теории справедливой войны, которая, как казалось, давно уже отошла в ведение истории философии, стал крайне невысоким. Концепция справедливой войны как теория сформировалась в трудах Августина Аврелия, далее развивалась Фомой Аквинским, Франциско Суаресом и Гуго Гроцием. Но в своём настоящем виде эта теория несколько отличается от ранних интерпретаций.

Рассматривая процесс возвращения к жизни критериев справедливой войны, хотелось бы в первую очередь отметить статью Йозефа К. МакКенна «Этика и война с точки зрения католицизма»⁷, опубликованную в 1960 г. в журнале «*American Political Science Review*». Однако, безусловно, заслуга популяризации теории нравственно ограниченной войны принадлежит Майклу Уолцеру, поскольку его работа «Справедливые и несправедливые войны» была одним из первых масштабных академических исследований по этой теме. По словам самого Уолцера, теория справедливой войны – это, в первую очередь, «идея нравственного подхода к войне как виду человеческой деятельности»⁸. Такой подход к войне предполагает особое отношение к миру. Уолцер не только доказывает ограниченность и неприменимость столь популярной в те времена доктрины реализма, но и выступает против пацифистской доктрины. По словам самого Уолцера в нашем мире «война иногда необходима», а следовательно, во-первых, война в некоторых случаях может быть оправдана с точки зрения справедливости и, во-вторых, ведение войны всегда подлежит рассмотрению с точки зрения этики. Согласно Уолцеру человек по природе своей склонен действовать нравственно, именно поэтому даже на войне не исключается возможность поступать согласно предписаниям морали. Подход Уолцера к этике, которой руководствуется человек во время военного столкновения, оказывается близким к кантовскому понятию нравственной автономии. Кант в «Критике практического разума» следующим образом определяет автономию воли: «автономия воли есть единственный принцип всех моральных законов и соответствующих им обязанностей»⁹. Суть морального закона заключается в том, что он существует вне зависимости от тех обстоятельств, в которых оказывается человек, и он остается неизменным под воздействием этих обстоятельств. В равной мере по Уолцеру и нравственное начало в человеке причастно всякому моменту его деятельности, а значит именно оно должно выступать в качестве базис-

---

⁷ J.C. McKenna, *Ethics and War: A Catholic View*, „*American Political Science Review*” 1960, Vol. 54, No. 3.

⁸ M. Walzer, *Arguing about War*, Yale University Press, New Haven 2004, p. ix.

⁹ И. Кант, Критика практического разума, И. Кант Собр. соч. в 6 т., Мысль, Москва 1965, т. 5, с. 350.

ного положения, применяемого для формулирования принципов, сдерживающих войну. Кроме того, такая деонтологическая этика определяет и поведение человека во время войны: несмотря на возможную неудачу, он обязан будет поступить нравственно. Но необходимость нравственного действия коренится согласно Уолцеру не внутри самого человека, как это было у Канта, не в разуме, а в некоторых внешних установлениях среды обитания человека. Этическая составляющая теории Уолцера ориентируется в первую очередь на контекстуализм Дж. Дьюи и Р. Рорти. Различая «плотную» этику, исходящую из традиций и институциональных установок каждого народа, и «тонкую» мораль, исходящую из рациональности, претендующую на фундаментальное значение, Уолцер отдает предпочтение первой¹⁰.

В наше время теория справедливой войны с тех пор превратилась в одну из самых разработанных философских концепций войны. Множество авторов помимо самого Майкла Уолцера занимаются современной доктриной справедливой войны по обе стороны Атлантики: Томас Нагель, Пол Кристофер, Ник Фоушин, Брайан Оренд, Оливер О'Донован. В начале 2000-х начал издаваться специализированный «Journal of Military Ethics» – международный журнал, выходящий четыре раза в год, разрабатывающий нормативные аспекты военного дела. Теоретики справедливой войны ищут принципы, благодаря которым применение силы может быть ограничено, ведение войны станет более гуманным, а итогом ее будет надежный мир, таким образом, развивается идея вооруженной борьбы за мир, часто отвергаемая сторонниками доктрины пацифизма.

Развитие теории справедливой войны долгое время проходило под сильнейшим влиянием христианского догмата. Постепенная секуляризация началась лишь в XVII в., однако не следует понимать этот процесс как общий для всякой теории справедливой войны, поскольку ряд авторов по сей день сохраняют приверженность религиозной аргументации. Мы можем, таким образом говорить не об одной монолитной теории справедливой войны, но о нескольких теориях, существующих параллельно. Но, несмотря на неоднородность и отчасти раздробленность, теории справедливой войны, обладая множественными концептуальными различиями, сохраняют единство в приверженности общему ядру доктрины.

В сущности своей, каждая из концепций справедливой войны апеллирует к одним и тем же принципам и стремлением удержать государства от войны друг с другом или ограничить произвол их действий в уже начавшемся конфликте. Для оценки политической ситуации предлагается использовать ряд принципов *jus ad bellum*, которые отвечают за оценку возможности вступления в войну на законных основаниях, и *jus in bello*, позволя-

---

¹⁰ M. Walzer, *Thick and Thin: Moral Argument at Home and Abroad*, The University of Notre Dame Press, Notre Dame 1994.

ющих судить о нормах поведения на войне, которая может считаться справедливой.

Западная философия обратилась к теории справедливой войны в тот момент, когда столкнулась с рядом проблем, связанных как с политическим кризисом, так и с кризисом внутри самой философской науки. Резюмируя вышесказанное, причины актуализации теории справедливой войны, концепции, которая получила второе рождение в довольно смутную эпоху, заключаются в следующем. Во-первых, кризис государства, связанный с внутренними изменениями внутри государства, трансформацией капитализма и самое главное значительное усиление негосударственных субъектов международных отношений. Во-вторых, стоит отметить кризис реализма. Теория перестала отвечать общественным и политическим запросам, поскольку замкнулась на необходимости самозащиты от нападков оппонентов в период, когда нужно было дать оценку конфликтам не только с точки зрения национальных интересов, но в том числе и с позиций этики. В-третьих, кризис логического позитивизма, приведший к переоценке значения этики в современной философии. И наконец, превращение дискурса справедливости в ключевой дискурс политической философии XX века. В результате теория справедливой войны оказалась в благоприятном идейном климате, благодаря чему и получила возможность активного развития.

Современная международная политическая ситуация, обусловленная крушением биполярного мира, усилением роли асимметричных сил, тенденциями к созданию «нового мирового порядка» и различных видов глобализации (экономической, политической, социальной), только прибавила задач политической философии, которая вновь вынуждена искать новые направления развития.

В то же время за прошедшие 40–50 лет теория справедливой войны стала не только той нормативной теорией, в которой нуждалась политическая философия, но и оказалось заметным философским направлением, результаты которого применяются в международной политике. Она превратилась в одну из ведущих доктрин, составляющих основу современной политической философии англосаксонских стран. И поскольку США остаются ведущей мировой державой, то мы должны либо принять теорию справедливой войны, либо, указав на слабые стороны этой концепции, создать новую теорию войны.

[знаков 20 145]

Przedmiotem tekstu jest krytyczna teoria wojny. Autor podejmuje kwestię przyczyn wybuchu wojen oraz prowadzenia akcji bojowych. Rozważa ideę wojen sprawiedliwych oraz etyki wojennej. Szczególną uwagę przywiązuje do normatyw-

nego wymiaru tych idei. Zwraca także uwagę na znaczenie tych idei w polityce i dyplomacji międzynarodowej.

słowa kluczowe: teoria wojny, wojna sprawiedliwa, etyka, polityka międzynarodowa

The subject of the article is a critical theory of war. The author takes up a question of the causes of the outbreak of war and the conduct of combat operations. He ponders over the idea of just war and the ethics of war. Particular attention is paid to the normative dimension of these ideas. The author also draws attention on the importance of these ideas in politics and international diplomacy.

keywords: theory of war, the just war, ethics, international politics